

Публикации

УДК 930.2

ТАТАРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Р.С. Хакимов

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
history@tataroved.ru*

Статья является продолжением теоретических размышлений автора об идентичностях – их сути, видах, условиях формирования и развития – начатых в предыдущем номере. Рассматривая культуру в качестве базиса этнической, религиозной, территориальной и гражданской идентичностей, показываются культурные особенности каждой из них.

Этнические общности – продукт исторического развития, в основе которого лежит сознание об общем происхождении, о принадлежности к группе с общими культурными ценностями и возникающей на этой почве солидарностью. Общегрупповые ценности и символы позволяют политическим кругам мобилизовать этнические группы на определенное поведение. Поэтому интенсивность проявления этнической идентичности во многом определяется политическими элитами, их целями и стратегиями. При всей устойчивости этничности в ее среде происходят изменения как под давлением внешних обстоятельств, так и по внутренним причинам. Поэтому границы этничности, как и степень солидарности, со временем могут меняться.

Этническая, религиозная, территориальная и гражданская идентичности выстраиваются в иерархическую структуру. Ее разрушение опасно. Разрыв идеологических «обручей», которые благодаря нормам и предписаниям сдерживают человеческие страсти, неизбежно ведет к нестабильности, бунту, революции, вплоть до гражданской войны.

Ключевые слова: этническая идентичность, религиозная идентичность, региональная идентичность, гражданская идентичность, культура, нация, татары, Россия, Татарстан

* Продолжение. Начало см.: Хакимов Р.С. Татарская идентичность: состояние и перспективы // Историческая этнология. 2016. Т. 1, №2. С. 242–252.

Статья подготовлена в рамках Государственной Программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)».

Виды культурных идентичностей

Различные авторы выделяют целый ряд идентичностей. Для нас интересны идентичности под условным названием «культурных» (этнические, религиозные, территориальные, гражданские), которые тесно связаны между собой и находятся в иерархической зависимости друг от друга. Культура – цемент общественных отношений. Не бывает человека вне определенной культуры, и нет культуры, которая была бы «ничьей», не была бы порождением тех или иных народов. Культура – основа не только этнической идентичности, но она также создает общность по религиозным, территориальным и другим признакам.

Особенность этнической идентичности в том, что ее не выбирают. Человек воспринимает ее с рождением, вместе с языком общения, под влиянием культурного окружения. Для большинства людей этническая идентичность – это само собой разумеющаяся данность, формирующаяся в процессе социализации личности. Утеря этнической идентичности невозможна в принципе, хотя она может быть вытеснена на периферию индивидуального сознания.

Со временем место этнической идентичности в структуре личности может меняться. В одних условиях она не играет существенной роли или вообще не выражена (этнический индифферентизм), в других – выступает на первый план или даже доминирует, вытесняя иные идентификации.

Самоидентификация индивидов с той или иной этнической группой зависит от целого ряда обстоятельств (наличие ярко выраженных «других», возможности социальной интеграции, политические и правовые нормы, действующие в данном сообществе по отношению к культурным меньшинствам и т. д.). В любом случае активизация этнической идентичности связана не с «пробуждением» некоей дремавшей в глубине индивидуального сознания способности, а с наличием ситуации, обуславливающей определенный тип поведения (в частности, коллективную солидарность по этническому признаку). Решающим в проявлении этнической идентичности выступает не набор «вещественных» признаков (язык, культурные особенности, религия), а то значение, которым эти признаки нагружаются в процессе социальной коммуникации. Самоидентификация в качестве члена некоторой этнической группы (или, напротив, деидентификация, отказ от этнической принадлежности) определяется различными критериями (общее происхождение, совместные ожидания в будущем, сохранившие действенность традиции, общие культурные и поведенческие навыки и пр.). Этническая идентичность складывается не столько в результате внешнего определения (приписывания), сколько в результате самоопределения индивида.

В научной литературе зачастую понятия этнической и национальной идентичности употребляют как синонимы, что не совсем верно. С одной стороны, при формировании нации в основе лежит какой-то доминирующий

этнос, но с другой – согражданство становится нацией при общей культурной основе, что не всегда достигается благодаря доминированию одного этноса. В этом случае необходима выработка надэтнической культуры.

Следует учитывать также несовпадение терминологии, принятой в российской литературе и практике, с западными понятиями. В нашей стране с советского периода сохранилось обозначение зрелого этноса с развитыми структурами и тем более при наличии какой-то формы государственности в качестве нации. Народом было принято называть как этническую, так и территориальную общность. Более того, Конституция Российской Федерации принята от имени «многонационального народа», что вносит дополнительный смысл в понятие народа. А под государством в России понимают не столько согражданство, как на Западе, сколько административные структуры. Тем не менее, сознание российского гражданства существует, и оно достаточно значимо в структуре индивидуального самосознания. Патриотической пропагандой его пытаются вывести на роль доминирующей идентичности, однако это вовсе не отменяет региональной или этнической идентификации.

Гражданская идентичность – индивидуальное сознание и чувство принадлежности к общности граждан конкретного государства, которое ведет себя как коллективный субъект. В России этот субъект выражен в виде наличия паспорта единого образца (с нюансами в Татарстане), единого государственного языка и системы образования. Можно было бы это назвать нацией, но это понятие уже занято другим явлением – развитым этносом. Пытаться ломать практику использования тех или иных понятий, исходя из научных аргументов, дело довольно сложное и неактуальное.

Совсем недавно было распространено мнение, что этническую идентичность заменит национальное самосознание. В США была популярна теория «плавильного котла», нашедшая горячих сторонников в России. Предполагалось, что с помощью административных рычагов можно переплавить этнические группы в гомогенную нацию. Практика опровергла эти надежды. Теперь в США разработали теорию «салата», где составные группы не теряют своей идентичности, но в то же время находятся в одной «салатнице».

В СССР и Югославии пытались сконструировать «советский» и соответственно «югославский» народы. Ничего не вышло. Под давлением демократии СССР и Югославия просто распались, похоронив под обломками псевдофедераций теорию «плавильного котла».

В России пытаются создать российскую нацию, не понимая, что время существования наций-государств осталось в прошлом – не только русские, но и татары и некоторые другие народы трансформировались в нации европейского типа еще в XIX – XX вв. Татарская нация складывалась вместе с появлением капитализма в XIX в. Хотя она прошла особый путь в отличие от Европы, тем не менее, уже к началу XX в. имела все признаки полноценной нации: высокую культуру, экономику, систему образования,

финансируемую предпринимателями, СМИ, политические партии и даже самостоятельную мусульманскую фракцию в Государственной Думе. Вместе с революцией 1917 г. татары потребовали своей формы государственности и получили Татарскую Республику.

Российская империя не содействовала формированию единой общероссийской культуры, что было проблематично, ибо народы жили, можно сказать, в разных цивилизациях: олениводы Крайнего Севера, промышленно развитый центр России, Прибалтика, кочевники казахских степей, Туркестан с шариатом, Кавказ, сохранявший многие законы адата, субтропики Черноморского побережья с множеством народов и казачьими станицами, Сибирь – все они представляли разные культуры, сосуществовавшие в одном государстве. Капиталистические отношения пришли к народам в разное время, а буржуазная революция свершилась, когда капитализм уже торжествовал, и многие народы трансформировались в нации.

Время образования наций-государств – это эпоха буржуазных революций. Сегодня во всем мире это понятие меняет свое содержание. Тождественность нации и государства для некоторых стран с трудом сохраняет свое значение. На примере нынешней Европы хорошо видно, как региональные процессы меняют привычную картину наций-государств. Даже классический образец нации-государства – Франция сегодня размывается в культурном и политическом плане мигрантами-мусульманами, ставшими самостоятельной частью страны, не желающими растворяться во французском культурном пространстве. В Испании каталонцы объявили себя самостоятельной нацией. В Бельгии фламандцы идут тем же путем. В Великобритании ирландцы, шотландцы и валлийцы избрали свои парламенты и возрождают исконные языки. Этничность снова заявляет о своей значимости и ломает устоявшиеся представления о нациях.

Вместе с тем меняется и природа государств, достаточно взглянуть на эволюцию понятия суверенитета, который в последние десятилетия расщепляется между различными субъектами: международными организациями, государственными структурами и регионами. На этом фоне совершенно иначе ведет себя этничность, которая не подает признаков ослабления. Джон Лукач пишет: «Суверенитет государства и суверенитет народа – это разные вещи. Первый быстро и бурно расцвел в начале эпохи модерна, сейчас он испытывает очевидный и осозаемый спад. Второй за последние сто или сто пятьдесят лет дорос до всеобщего признания. Он был и остается не подлежащим сомнению» [6, с.207]. Понятие «нация» все больше отходит от своего первоначального смысла. Совпадение политических и этнических единиц становится скорее исключением, чем правилом. Не случайно, Эрик Хобсбаум полагает, что сегодня политические образования трудно адекватно описать в терминах «нация» и «национализм». Он предрекает закат нации-государства, а вместе с ним и национализма как явления, но этничность сохраняется, несмотря на глобализацию [13].

Вопрос о создании российской нации сегодня в некоторой мере выглядит попыткой вернуться к XIX в. Стремление в наши дни сформировать российскую нацию, как нам представляется, построено на конструктивистских идеях о возможности создания политическими элитами национальной общности на основе привлекательного мифа об общем происхождении. В такой трактовке этничность превращается в некую роль, сознательно избранную человеком или группой под воздействием тех или иных факторов и используемую для достижения неких политических или экономических целей. При этом конструктивистам трудно объяснить устойчивость этносов в течение столетий. Например, никакая власть, даже тоталитарная, не смогла изменить образ жизни цыган.

К видам культурной идентичности относится также религиозная идентичность, которую можно определить, как форму коллективного и индивидуального самосознания, построенную на осознании принадлежности к определенной религии и формирующую представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм. Порой этническую и религиозную идентичность отождествляют. У татар до революции было в ходу понятие «мөселман» в качестве заменителя национальной принадлежности, но именно в этом случае наиболее ярко проявляется несоответствие религиозной и этнической принадлежности, ведь под мусульманами до революции понимали сословие, а не этнос. К тому же среди татар есть православные кряшены и атеисты.

Регионализация, наряду с глобализацией стала характерной чертой XXI в. Это особенно заметно на примере Европы, где регионы получают все большие права на основе принципа субсидиарности, т. е. передачи полномочий на предельно низкий уровень. В России регионализация проходит стихийно в силу больших пространств, что стимулирует образование территориальных общностей. Это относится не только к республикам, которые имеют такую особенность как сочетание в рамках одного субъекта разных языков и культур, но и к чисто русским областям. На этой почве формируется региональная идентичность. По мнению знаменитого социолога Питирима Сорокина, «из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь... В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы ярославца, помора, сибиряка и т. п.». Российские пространства стимулируют процесс формирования региональных идентичностей.

Региональная идентичность не просто фиксируется как данность, но даёт материал для анализа территориальных общностей с точки зрения экономических, политических интересов государств, политических партий и отдельных политиков. Устойчивая территориальная общность объединена общими системами ценностей для её членов, сходной реакцией на

социальные процессы и единой волей к социальному действию. Территориальная идентичность может служить основой для мобилизации общественных сил, как в созидательных, так и в разрушительных целях. Для каждой территориальной общности могут быть созданы различные методы воздействия на неё в зависимости от целей и задач политики.

В Татарстане наблюдается процесс укрепления региональной идентичности, причем интересы русских, татар и других народов оказываются очень близкими. Социологические опросы показывают, что многие жители республики себя называют татарстанцами, при этом не отрицая, что они россияне. В 1990-е гг. региональная идентичность проявлялась как более предпочтительная, нежели российская, причем это касалось всего населения республики. К началу XXI в. соотношение татарстанской и российской идентичностей стало меняться в пользу последней. В 2001 г. татарстанцами называли себя 53,3% татар и 10,3% русских, россиянами – 6,7% татар и 35,9% русских, татарстанцами и россиянами в равной мере – 35,4% татар и 46,7% русских [7, с.194]. К 2010 г. количество «только» россиян остается на прежнем уровне – 7% татар и 36% русских, а число тех, кто назвал себя одновременно и татарстанцем, и россиянином, выросло до 62,1% у татар и 58,9% у русских [7, с.195]. Эти цифры говорят не только о сложности соотношения различных форм идентичностей, но также свидетельствуют об их динамике во времени. Анализируя ситуацию в России в целом, Леокадия Дробижева отмечает: «Регионализация страны может быть рассмотрена в разных аспектах и неоднозначно оценена. Но в плане обсуждаемых проблем она означает увеличение идентичностей и нейтрализацию этничности» [5, с.108–109]. Нет сомнения в появлении новых форм идентичностей вместе с усложнением общества, но насколько регионализация нейтрализует этничность? В случае с татарами и русскими в Татарстане это трудно утверждать. Так, например, для молодых татар «региональная идентичность неразрывно связана с этнической, и это проявляется в ее содержании, – пишет Г. Макарова. – При этом шаги руководства республики по формированию этнокультурного образа Татарстана, важной составляющей которого является артикуляция региона как точки культурного притяжения татар всего мира, центра развития татарского языка и культуры, по-видимому, способствуют укреплению данной связи. Исходя из этого, можно также предположить, что успехи республики в различных областях жизнедеятельности и ее укрепляющийся среди других регионов России статус, в свою очередь, способствуют сохранению высокого уровня этнического самосознания татар РТ, а не только их региональной самоидентификации» [17, с.63]. То же относится к русским и другим коренным народам республики. Национальная политика Татарстана способствует развитию культур всех народов республики, а региональная идентичность никак не подавляет или не подменяет этническую идентичность. При этом можно выдвинуть тезис, что усиление самосознания компактно проживающих в Татарстане этнических групп стимулирует регио-

нальную идентичность, позволяющую объединить различные интересы вокруг общих ценностей республики. Иначе говоря, республиканская идентичность выполняет идеологическую функцию, потребность в которой вызвана, в том числе, усилением этнического самосознания.

Кроме названных видов идентичностей существуют и другие, например, корпоративная, профессиональная и пр. Они для нашего исследования не играют существенной роли.

Границы этничности

Геродот полагал, что греки, несмотря на свою географическую и политическую раздробленность, образуют единый народ, поскольку они имеют общее происхождение, общий язык, общих богов, общие священные места и религиозные празднества, общие обычаи, нравы и взгляды на жизнь. Многие и сегодня подпишутся под словами великого историка.

В настоящее время в научном мире нет единого понимания природы этноса. Разброс точек зрения слишком велик, чтобы пытаться их свести к общему знаменателю, но каждая из них отражает какую-то сторону явления. В большинстве трудов в качестве этнических признаков фигурирует язык, религия, культура. Однако немало случаев, не укладывающихся в предлагаемые критерии. Например, существует большая группа польско-литовских татар, которая более 600 лет назад расселилась на территории нынешней Польши, Литвы и Белоруссии. Они участвовали в Грюндвальдской битве, за что в Гданьске поставили памятник татарскому воину. Эта группа татар говорит на польском и литовском языках, но сохранила приверженность исламу. Получается, что язык не связывает эту группу с основным массивом татар. Можно было бы сказать, что ислам стал фактором, объединяющим их с другими татарами. Но этот аргумент не убедителен, ведь среди татар есть православные кряшены и нагайбаки, которые являются приверженцами татарского языка и культуры.

Жизнь постоянно нас сталкивает со случаями «неэффективности» языковой ассимиляции. Татары, перешедшие на русский язык, в своем большинстве остаются татарами, и это наблюдается по всей России. Татары, перешедшие на узбекский язык, сохраняют свою идентичность, хотя среди них есть даже известные узбекские писатели. Социология может только зафиксировать подобные факты, но не может объяснить такой феномен как отличие татарской и узбекской махалли при очевидной общности языка и религии.

Аналогичная ситуация складывается и у других народов. Ирландцы в своем большинстве говорят на английском языке и не знают гэльского, при этом их национальные пристрастия достаточно ярко выражены. Американцы, австралийцы, новозеландцы также англоязычные нации, но они не стали британцами. «Есть миллионы немецких швейцарцев и австрийцев, которые помимо своих диалектов превосходно владеют верхненемецким, – пишет Джон Лукач, – и в то же время не хотят считать себя немца-

ми» [6, с.186]. Франкофоны в Квебеке или в Швейцарии не стали французами. Евреи в разных странах говорят на самых разных языках. Если бы язык был главным признаком, тогда евреев, говорящих на идише (диалекте немецкого языка), пришлось бы причислить к немцам. Примеры можно продолжить. Во всех этих случаях язык оказывается средством коммуникации или выполняет политическую функцию, но не становится этнообразующим фактором. На это же указывает такой факт, как двуязычие этнических групп.

При анализе этногенеза необходимо видеть различие в функциях языка в различные периоды становления этноса. До появления собственной государственности у языка были одни функции, ограниченные отдельными сообществами, жившими своей внутренней жизнью. Они резко меняются вместе со становлением наций, на что влияют экономические, социальные и политические задачи. Язык даже в качестве «народного», а не литературного, следует рассматривать в увязке с исторической ситуацией. Как пишет Эрик Хобсбаум: «До введения всеобщего начального образования никакого разговорного «национального» языка не было и быть не могло, – за исключением тех литературных или административных форм и оборотов, которые записывались, приспособлялись или специально изобретались для устного употребления» [11]. Естественно, у элиты, в отличие от простонародья, был свой жаргон или даже самостоятельный деловой, государственный язык, который, как правило, отличался от народных диалектов. Но вплоть до возникновения общих интересов гражданского общества не было потребности в общем разговорном языке, а литературный или официальный язык знали немногие из элиты общества. Когда же вырабатывается общий национальный язык, то он становится не столько потребностью этнической группы, сколько складывающейся нации. «Мистическое отождествление национальности с некой платоновской идеей языка, которая скрыто существует за всеми его несовершенными вариантами или парит над ними, – считает Хобсбаум, – характеризует, скорее, идеологические построения националистически настроенных интеллектуалов (пророком которых является Гердер), нежели реальное самосознание обычных носителей данного языка. Это чисто «литературная», а не экзистенциальная концепция». Языки, о которых мы говорим сегодня и пытаемся привязать к этничности, появились вместе с государствами в XIX – XX вв. На специфические признаки различных народов, вплоть до времени формирования современных наций, в большей степени влияли особенности хозяйствования и образа жизни, нежели язык. До появления всеобщего образования язык народа состоял из множества диалектов, выполнявших сословные функции.

Этнологи традиционно ссылаются на культуру, как важный признак этничности. Опираясь на него, казалось бы, можно объединить польско-литовских, астраханских, сибирских татар, кряшен и нагайбаков под общим знаменателем, но дело в том, что культура не может быть признаком этничности, она результат ее развития, при этом культура не гомогенна.

Профессоры Казанского университета, будь то татары или русские, могут иметь больше общего, нежели профессор-татарин и фермер-татарин. В сложном дифференцированном обществе возникает множество культурных систем, которые пересекаются и взаимодействуют друг с другом. Из этой системы этническую культуру в чистом виде выделить сложно. К тому же такая операция малопродуктивна с точки зрения объяснения реальных процессов.

Индивид может быть включен одновременно в различные социальные отношения и чувствовать принадлежность к разным коллективам (этнической группе, семье, религиозной организации, профессиональному сообществу и др.), иначе говоря, в нем существует набор идентичностей. Они предъявляют к нему различные, порой несовместимые требования. Человек может воспринимать себя сыном татарина, мужем русской, рабочим, болельщиком республиканского футбольного клуба и гражданином России, коммунистом и приверженцем мусульманской общины. Принадлежность человека к различным сообществам определяет множественность культурных систем. Сложность набора идентичностей определяется степенью дифференцированности общества. В простейшем обществе, где культурные системы слабо дифференцированы, они являются более всеохватывающими по характеру. В сложных обществах ни одна из многообразия культурных систем, взятая в отдельности, не может организовать человеческую деятельность достаточным образом. Конкретный состав таких систем варьируется от общества к обществу, но можно говорить о более или менее типичном наборе – это религия, идеология, политика, наука, искусство.

Приведенные выше доводы подвергают сомнению существующие концепции этноса. «Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям, – пишет Лев Гумилев. – Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобку мы можем только одно – признание каждой особью «мы такие-то, а все прочие другие» [4, с.164]. Однако дихотомия «мы/другие» также требует объяснения, хотя, как факт, она хорошо фиксируется социологией благодаря совокупности таких маркеров межэтнических границ как язык, религия, культура, самосознание.

В этнологии сложились общие представления, которые можно рассматривать как некое рабочее определение, без претензии на завершенность. Фредерик Барт под этнической группой понимает народонаселение, которое в значительной степени биологически самовоспроизводимо; разделяет фундаментальные культурные ценности, реализованные во внешнем единстве культурных форм; образует поле коммуникации и взаимодействия; характеризуется общей идентичностью, определяемой его происхождением и социокультурным фоном [18, с.9]. Такое описательное определение позволяет оттолкнуться от некоторых явлений, наблюдаемых в жизни. Л.М. Дробижева присоединяется к данному определению: «Мы

также разделяем представление о том, что этническая граница является актом сознания, а важнейший способ ее изучения заключается в исследовании этнической идентичности. Действительно, только если люди (личности) разделяют представления, которые становятся общими, и действуют на их основе, они становятся группой, а этничность может приобретать организационные и институциональные формы» [5, с.74]. Этнические границы определяют водораздел между «мы» и «другие», поэтому требуют к себе особого внимания.

Идентичность создает психологические границы, позволяющие членам социума обрести чувство «мы», ориентироваться в существующих сообществах. Следовательно, «мы» с необходимостью предполагает психологическую оппозицию с «они», поскольку общность «мы» не может быть определена вне «значимого другого». «Они» – это социальная общность, имеющая иной образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы, цели и ценности.

Этническая граница не обязательно является актом сознания, она, прежде всего, практика, следование обычаям, которые достались от предков. Следование им имеет большое значение с точки зрения безопасного преодоления границы, поскольку обычаи и ритуалы уже предусмотрели не только механизмы, сохраняющие границы, но и способ связей и обменов поверх границ.

Важно подчеркнуть, что позитивная идентичность – это осознанная общность без жесткого противопоставления «мы» – «они». Негативная же идентичность – это консолидация общности «мы» на основе тотальной оппозиции «чужим». В этом случае общность «мы» возникает и существует преимущественно благодаря жесткому противостоянию с «чужими». Отсюда относительная неустойчивость негативной идентичности: с размыванием негативного образа «чужих» исчезает и фундамент такой идентичности.

В отличие от социальных ролей этничность гораздо меньше зависит от динамики социальных отношений и институтов, от состояния общества в целом. В этом смысле этничность – наиболее устойчивая идентичность. При этом личностная этническая идентичность не более изменчива, чем групповая, поскольку социальные институты способны к самовоспроизводству и обладают большой инерцией. В то же время групповая идентичность подвержена временным трансформациям. Иначе говоря, существуют ее исторические вариации или же ее интенсивность может возрастать в случае возрастания этнического неравенства либо при обострении межэтнической борьбы за власть и иные ресурсы.

Итак, этнические общности – продукт исторического развития, в основе которого лежит сознание об общем происхождении, о принадлежности к группе с общими культурными ценностями и возникающей на этой почве солидарностью. Общегрупповые ценности и символы позволяют политическим кругам мобилизовать этнические группы на определенное поведение. Поэтому интенсивность проявления этнической идентичности

во многом определяется политическими элитами, их целями и стратегиями. Среди них важнейшую роль играют следующие: организация ответов на внешние вызовы через манифестацию самоидентификации, установление контроля над значимыми ресурсами и политическими институтами, обеспечение социального комфорта «своей» группе. При всей устойчивости этничности в ее среде происходят изменения как под давлением внешних обстоятельств, так и по внутренним причинам. Поэтому границы этничности, как и степень солидарности, со временем могут меняться.

Понятие границы относится не только к этничности, оно указывает на различие разных миров – нашего и потустороннего, религиозного и светского, территории сообщества или государства, общин, кланов, преступных групп и т. д. Это граница дня и ночи, сезонов, хозяйственных циклов, возрастных изменений. Граница может материализоваться в виде государственной границы или климатической зоны, но может существовать и как ментальная граница. Это понятие применимо к большому классу явлений. «Граница выявляет разные вещи, – пишет Пьер Бурдьё, – и само различие «через произвольное установление», как говорил Лейбниц, используя «*ex instituto*» схоластики, акта сугубо магического, который предполагает и производит коллективное верование, т. е. сокрытие собственного произвола. Граница отделяет вещи друг от друга через абсолютное различие, которое можно преодолеть лишь другим магическим актом – ритуальным нарушением. *Natura non facit saltus**: именно магия *институции*, установления, привносит в природный континуум, эту сеть отношений биологического родства или мир природы, разрыв, разделение, *nomos*, границу, создающую группу и ее особенные обычаи» [3, с.406]. Культура определяет пространство собственного мира, проводит ту черту, преодоление которой воспринимается как переход в другой мир. Порог становится местом не-существования, небытия, где меняется знак всякой вещи. Любое сообщество стремится сохранить свои границы, т. е. свою сущность, пугаясь «ничто», находящегося за порогом. Граница – это то место, где происходит борьба, реальная или символическая, при этом магия, ритуалы, обычаи направлены на безболезненное преодоление порога.

В жизни постоянно происходят переходы, нарушающие границы. Всякое нарушение должно быть легитимным, иначе могут высвободиться опасные силы, демоны, т. е. человеческие страсти, не обузданные традицией или идеологией. Исторически первым обрядом, регулирующим переход через возрастной «порог», а вместе с тем статусной границы, была инициация юношей. Также существовали свадебные обряды, похороны и т. д. Впоследствии обряды перехода приобретают более разнообразные формы: крещение, принятие в монашество или рыцарство, принятие в гильдию ремесленников, масонов, посвящения в другие общества – тайные и нетайные, исполнение гимнов, произнесение клятвы перед судом

* «Природа не знает разрывов» (Лейбниц, *лат.*).

и т. д. В наши дни появляются «искусственные» традиции, как, например, первый и последний школьный звонок, день совершеннолетия, принятие в ряды «Alma mater» и др. «В индустриальном обществе эти обряды, обычно связанные с определенными переходами в рамках жизненного цикла, – пишут Николас Аберкромби, Стивен Хилл и Брайан Тернер, – не имеют такого значения, как в традиционном, хотя могут сохраняться в виде таких церемоний, как венчание» [1, с.194–195]. Сегодня не только привносятся новые элементы в старые обряды, но возникают неожиданные бракосочетания, которые включают у одной и той же пары одновременно венчание в церкви, «никах» в мечети и светский ритуал в ЗАГСе. Нельзя заведомо утверждать, что дальнейшая индустриализация и урбанизация приведут к нивелированию обрядов. Конечно, в условиях наличия массовых средств информации идеология может компенсировать ряд функций по безопасному переходу через границу, но СМИ могут оказать и иную услугу – разрушить традиции, не предлагая альтернативной системы ценностей. Обряды с этой точки зрения более консервативны, устойчивы и надежны. Не случайно некоторые организации практикуют собственные специфические ритуалы для закрепления корпоративного духа.

Не всякая граница ведет к конфронтации. Существует принципиальная разница между «мы/другие» и «свой/чужой». В первом случае нет конфронтации, а во втором она является принципиальной, что характерно для преступных группировок и организаций тоталитарного характера. Проблема «фундаментализма» заключается не в том, что человек чувствует причастность к этносу, религии, к родному дому и т. д. Она появляется, когда исконные ценности используются в целях демаркации, абсолютизации границ, объединения «своих» и объявления врагами «чужих».

Отсутствие границ сообществ, которые интенсивно разрушаются в условиях глобализации, ведут не к толерантности, что ошибочно пропагандируют космополиты, а прямо противоположному – отсутствию норм, регулирующих поведение человека в коллективе. Вне нормативных границ человеку все общество становится чужим. Юнгер пишет: «Там, где исчезают границы, *возникает страх*; страх – это не что иное, как потеря границ, потеря дистанции. *В то же время страх – это отчуждение*» [19, с.66]. Человеку нужны границы, в рамках которых он чувствует себя комфортно, граница его защищает, дает возможность для самореализации.

Отчуждение, по мнению Карла Маркса, наступает в силу развития рыночных отношений. Человек становится всего лишь трудовым ресурсом, он перестает быть личностью, у него утрачивается смысл жизни. Хотя современные социологи отвергают понятие «отчуждения», заменяя его социологическим термином неудовлетворенности жизнью, тем не менее, сам феномен превращения людей в товар, овеществления социальных отношений существует. Разделение труда и разделение функций в обществе напоминает фабрику, работающую по системе Тейлора или конвейер Генри Форда. Это лишает в современном индустриальном обществе отдель-

ный или частичный труд какого-либо смысла. Модель тейлоризации, состоящая в бессмысленном расчленении общей задачи, разрушает изначальную модель осмысленной жизни. В конечном итоге она сводит жизненную модель индивида к хорошо составленному расписанию, в котором не допускается отклонение от технологии.

Благодаря техническим и коммуникационным системам наше общество рационально организовано, но для отдельного человека оно выглядит иррациональным. «В рациональном процессе накапливается столь мощный потенциал иррационального, что цель самого движения изменяется до неузнаваемости, – пишет Юнгер. – Человек подчиняется планированию, становящемуся все более четким и обязательным; человек подчиняется управлению, которое уводит его от самого себя и использует для достижения все новых и новых целей бесконечно далекой от него власти и для обслуживания чуждых ему интересов. В конечном счете, в процессе опосредствования человек всегда рассматривается лишь как средство; в этом – корень любого отчуждения» [19, с.147].

Как это ни странно на первый взгляд, но рационализм усиливает в обществе стремление к мифологии, таинственным явлениям, мистике, повышает интерес к астрологии, магии, предсказаниям, паранормальным явлениям, экстрасенсам, инопланетянам и т. д. Мировые религии и рационализм торжествуют, а предрассудков меньше не становится, с каждым годом расползается по всему миру религиозный фундаментализм и фанатизм, национализм и расизм. Более того, растет жестокость, садизм, наркомания, алкоголизм, число самоубийств, немотивированных преступлений, маньяков. «Эти бессмысленные и беспорядочные нападения на посторонних и ни в чем неповинных людей, часто совершенно незнакомых, – пишет Джордж Франкл, – наводят на мысли о бандах молодежи, которые в первобытные времена бродили вокруг зоны проживания племени в поисках человеческой или животной добычи на территории, где не было племенных запретов и можно было свободно выплескивать свою агрессивность. Их современные единомышленники считают дебри городских ландшафтов чужой территорией, на которой не действуют законы и табу цивилизации» [14, с.201]. Политики, не зная, как остановить волну агрессии, стимулируют спортивные соревнования, «гладиаторские» бои без правил, но в ответ получают толпы спортивных фанатов, готовых рвануться вперед, что попадет под руку.

Доминирование рыночных отношений, нормативность религий, всеобщая стандартизация лишили человека образов, которые придавали осмысленность его существованию. «В цивилизованном обществе, – пишет Московичи, – психология толп, массы возрождают иррациональность, которую считали исчезающей, этот рудимент примитивного общества, полного отсталости и культов богов. Вместо того чтобы уменьшаться в процессе развития цивилизации, ее роль возрастает и укрепляется. Вытесненная из экономики наукой и техникой, иррациональность сосредоточивается на

власти и становится ее стержнем. Это явление нарастает: чем меньше времени люди посвящают заботам об общественном благе, тем меньше у них возможностей противостоять коллективному прессингу. Разум каждого отступает перед страстями всех. Он оказывается бессильным господствовать над ними, поскольку эпидемию невозможно остановить по своей воле» [9, с.35]. Человек, не потерявший свою индивидуальность, ищет сообщество, в котором можно было бы вновь обрести смысл жизни, будь то монастырь, резервация или же этническая организация.

Человеку необходимы идеи, которые помогают определить свое место во Вселенной, ведь он способен преодолеть любые трудности, если убежден, что это имеет смысл. Но человек терпит крах, если сверх прочих несчастий вынужден признать, что играет роль винтика в конструкции чьей-то рациональной машины. Маркс все это назвал *патологией нормы*, потерю статистически нормальным человеком своей сущности. «Таким образом, – комментирует Эрих Фромм, – он говорит о возможности для человека «потеряться» в стремлении достичь некую цель, если отношение человека к цели не есть та активная связь, которая часто называется у Маркса «присвоением». Он говорит о человеке, становящемся «душевно и физически обезчеловеченным», или об «изуродованном» рабочем, «примитивном фрагменте человека» в отличие от «полностью развитой личности» [15, с.91]. Человек, потерявший активную связь с другими людьми и природой, теряет самого себя.

Человек живет на конкретной территории, говорит на каком-то языке, имеет родственные связи, общается с людьми, включен в социальные отношения, ведет некий образ жизни. Способность этих объективных факторов формировать представления каждого человека о том, кем он является и с кем нерасторжимо связан, коренится в бессознательных глубинах личности, традициях, обычаях, ценностях. Там зарождается причастность к коллективу, будь то этнос, народ, нация, территория или государство.

Иерархия идентичностей

В развитом обществе в коллективном сознании выстраивается иерархия идентичностей. «В силу своей духовной конституции, – пишет Карл Манхейм, – человек не только думает, но и *переживает* иерархически, т. е. для него постоянно существует в большинстве случаев неосознанная «система» вещей внутреннего и внешнего мира, на которую человек ориентируется в своих действиях, жизни и переживаниях – целое упорядоченное множество вещей земного и сверхчувственного мира; какой-либо отдельный элемент или целый круг предметных реальностей воспринимается в этом мире как некая высшая субстанция, которая выделяется из общего ряда, на которую равняются все прочие элементы данного явления и которая придает им их высший смысл. С этой *иерархической структурой жизни* теснейшим образом связано то обстоятельство, что, хотя оценка каждого элемента ряда зависит от оценки стоящего над ним, однако самый

последний элемент, стоящий выше всех других, получающий по этой иерархической шкале наивысшую оценку, должен как бы сам гарантировать свое качество» [8, с.235]. Если в средние века эту функцию выполнял Бог, то сегодня над этническими и религиозными интересами находится система ценностей, иначе говоря, идеология.

Иерархия идентичностей современного российского общества хорошо представлена в материалах этносоциологов. Если исходить из имеющихся данных за последние годы [См.: 2] и немного упростить схему, то можно говорить об «оболочках» идентичностей, надстраиваемых одна над другой.

Несмотря на исторически тесную связь этнического и религиозного сознания, этническая идентичность относительно самостоятельна. Базисная роль этничности ярко высвечивается в ходе революций или идеологических кризисов, когда начинают дискредитироваться существующие доктрины. Например, революция 1917 г., взорвав прежние ценности, привела к подъему самосознания народов России. Вплоть до утверждения новой формы советского гражданства этнические представления доминировали, что вызвало процесс учреждения целого ряда государственных образований, объединившихся затем в советскую Федерацию. Последовавший в 1992 г. распад СССР опять-таки привел к активизации этнической идентичности, а вновь образовавшиеся государства на постсоветском пространстве строились на этнической основе.

Опыт других стран показывает аналогичную картину. Антиколониальная борьба в Азии сопровождалась подъемом национального самосознания в самой различной форме. Освобождение британских колоний на Индийском субконтиненте привело к образованию Индии и Пакистана, затем отделению Бангладеш. В Индии штаты разделились по языковому/этническому признаку. Аналогичная ситуация наблюдалась в Африке.

Этническая идентичность может выступать в двух ипостасях: приобретать форму шовинизма, расизма по схеме «свои/чужие», или же быть признанием многообразия мира.

На следующем уровне находится религиозность. Предназначение религии в обществе заключается в решении извечных проблем, которые Макс Вебер называл «проблемами смысла» – как справиться со злом, страданием, крушением надежд, разочарованием и т. п. Религия решает эти проблемы по мере их возникновения – в случае смерти, неурожая, какого-то природного или социального бедствия, применяя свой арсенал обрядов, магических средств, библейских или коранических сказаний.

В развитом обществе религия теряет свою первобытную наивность, рационализируется и не так тесно переплетается с повседневностью. Сегодня можно говорить (за редким исключением) о разделении светской и религиозной сфер как утвердившегося принципа. Поэтому религиозную идентичность следует рассматривать как относительно самостоятельную «оболочку».

Для религиозности также характерна дихотомия в виде, с одной стороны, духовности, веры в добро, придании осмысленности человеческому существованию, но, с другой стороны, верующим нередко присущ фанатизм или подмена веры интересами касты священнослужителей.

Религиозная идентичность тесно связана с этничностью, но не совпадает с ней или можно сказать, что эта связь неоднозначна. Достаточно взглянуть на религиозную принадлежность американцев, чтобы увидеть отсутствие какой-либо корреляции. Татар до революции, вплоть до XIX в., нередко называли просто мусульманами, но следует учитывать, что в Российской империи существовало сословное деление, а потому люди часто идентифицировали себя не по этническому, а по сословному признаку. У русских по этой же причине была тесная связь этнического сознания с православием и государственностью. Но эти примеры были обусловлены политической ситуацией и не нарушают общего тезиса о самостоятельном значении различных видов идентичностей. Современные процессы только подтверждают этот тезис. «Большую угрозу для религиозной веры в наше время (более точно – для качества и смысла веры) представляет популистский национализм, – пишет Лукач. – К этому привела демократизация церкви, которая сама по себе представляет вторичное следствие, неотделимое от демократизации целых обществ. Первичный элемент проще и важнее. Он состоит в том, что религия нации, чувственные символы нации являются более мощными, чем религиозная вера, особенно если они с ней смешиваются. Я бы повторил, что национализм есть единственная популярная *religio* (*religio* – связующая вера) нашего времени» [6, с.190]. Такое доминирование этнического над религиозным, по нашему мнению, благотворно влияет на социальные процессы, приближая веру к человеку, его земным потребностям.

На следующем уровне иерархии находится гражданская идентичность, которая существует в любом государстве и в западной терминологии, в основном, совпадает с понятием нации. Гражданство, как правило, не включает религиозную и этническую принадлежность, оно зависит от государственных структур, а сознание формируется благодаря просвещению и системе образования. Нации появились на волне буржуазных революций, провозгласивших идеи равенства, братства и свободы, что стало мощным интегрирующим фактором. Конечно, в основе любой нации лежит доминирующий этнос, чей язык и культура становятся официальными, но современное государство может опираться также на принцип «единства многообразия», сочетая интересы различных этнических и религиозных групп. Такой подход характерен для Европы. В этом плане сильно отличается история образования США, где до появления единого государства не существовало понятия американского народа. «Национальная идентичность носит в США скорее гражданский, нежели религиозный, культурный, расовый или этнический характер, – пишет Фрэнсис Фукуяма. – Это означает, что политические институты страны внушают

людям почти набожное почтение, которое европейцы, обладающие более древними источниками идентичности, находят несколько странным» [16, с.189]. Несмотря на особенности складывания американской нации, можно говорить о доминировании в ней англо-саксонской культуры.

Особенности формирования американской нации привели к сознанию универсальности своих политических институтов, поэтому США в конце XX – начале XXI вв. начали навязывать свою модель другим странам, что было далеко небезобидным. Фукуяма пишет о негативных последствиях американской политики: «Больно видеть явную причинную связь между путем демократизации, которая в 1990-х гг. причинила столько страданий в странах тропической Африки, и незначительностью улучшений экономических показателей на континенте в тот же период» [16, с.57]. На практике политика вмешательства разрушала местный институциональный потенциал, не создав вместо них западные образцы, которые не могли прижиться в силу культурных различий. При этом местные институты порой могли быть достаточно развитыми и не нуждались в замене. Например, после войны американская миссия Гувера навязывала Японии свое видение политических и административных структур, в то время как японские институты были достаточно компетентными. Теодор Коэн, комиссар по труду в миссии Гувера, так оценивал результаты деятельности американцев: «Американскую схему, исторически предназначенную для избавления от прогнивших систем, собирались применить в стране, где такой системы не было. Мне иногда приходило в голову, что, если бы эту миссию отправили вместо Японии за Полярный круг, она бы предложила бы эти же самые рекомендации эскимосам, тюленям и чайкам» [16, с.150]. Американское сознание приводит к тому, что они склонны путать собственные интересы с более широкими интересами мира в целом.

Современные конструкторы «российской нации» во многом заимствуют американский опыт, однако сами американцы не имеют однозначного ответа на вопрос, кто они такие. Самуэль Хантингтон задается вопросом: «Вправду ли жители Соединенных Штатов, как утверждают некоторые, «универсальная нация», основанная на уважении к ценностям, признаваемым всеми людьми на планете и включающая в себя представителей всех без исключения народностей Земли? Или же мы – нация западная, чья идентичность определяется европейским культурным и правовым наследием? Или мы уникальны и ни на кого вообще не похожи, мы создали собственную цивилизацию, как не устают твердить проповедники «американской исключительности»? Или же мы – политическое образование, единственная идентичность которого существует в общественном договоре, воплощенном в Декларации независимости и других исторических документах? Что есть США – мозаика или плавильный тигель? Что есть американская культура – едина ли она, то есть монокультурна, или бикультурна, или мультикультурна? Присуща ли нам как нации некая сверхидентичность, превосходящая все наши расовые, религиозные и полити-

ческие идентичности?» [12, с.31]. Вряд ли существует единое для всех стран и народов понимание нации-гражданства. Каждая страна прошла свой путь, и подводить их под одну теорию будет сложно.

Гражданственность можно оценивать с «позитивной» и «негативной» точек зрения, т. е. государство может быть прогрессивным, предоставляя свободу человеку и народам или же, наоборот, выступать как «Левиафан».

Внешнюю «оболочку» в иерархической системе идентичностей составляет космополитическое сознание, которое когда-то было характерно только для крупного, транснационального капитала, а сегодня, благодаря развитию систем коммуникации и прозрачности границ, становится также частью сознания активной части населения. В этом сознании есть своя положительная составляющая, но есть и негативная часть. К первой относится более широкий взгляд на мир, заимствование опыта других народов, понимание многообразия мира и взаимозависимости людей различных частей планеты друг от друга. К явно негативной составляющей следует отнести денационализацию капитала, появление международных корпораций, ставящих свои интересы выше национальных и государственных. Пренебрежение к своим корням проявляется уже у богатых бизнесменов – поклонников «золотого тельца», а крупные игроки на мировых рынках могут даже ради своих интересов вмешиваться в дела отдельных государств. Впрочем, и транснациональные корпорации неоднородны, среди них существуют те, кто намеренно денационализируют собственную структуру, но есть и такие, кто опирается на национальные традиции страны пребывания.

Негативные последствия глобализации в виде нивелирования различий и стандартизации мира компенсируются усилением культурного, регионального многообразия мира. Поэтому нередко социологи выделяют региональную идентичность как значимое явление. Пример Европы показывает, что региональная политика становится не только частью экономики, но задевает чисто политические процессы, что особенно заметно на примере Каталонии, Страны Басков, Шотландии, Северной Ирландии, регионов Бельгии.

Различные идентичности не только могут сосуществовать друг с другом, но абсолютно необходимы в сложно организованном обществе. Проблема конфликта идентичностей связана не с их существованием, а с отсутствием идеологии (системы ценностей) в обществе, способной соединить различные интересы в целостность. В ситуации отсутствия эффективной идеологии эту функцию берет на себя этническая или религиозная «оболочка», что может создать межрелигиозную или межэтническую напряженность. Еще более сложная ситуация возникает при господстве в обществе крайних доктрин, будь то фашизм, религиозный фундаментализм, шовинизм и т. д. Тогда начинает доминировать негативное, и общество вступает в полосу затяжного кризиса, вплоть до полного разложения.

В целом, на появление и усиление региональной идентичности следует смотреть как на позитивное явление. Конечно, при авторитарных на-

клонностях центральной власти сильный регион объективно оказывается подобием «оппозиции», поскольку всегда будет учитывать не только распоряжения сверху, но и интересы населения. В нормальном федеративном или унитарном государстве центр опирается на принцип субсидиарности, а значит, дает возможность усиления регионов, что обеспечивает политическую стабильность и экономический рост страны.

В иерархии идентичностей, наряду с вышеперечисленными «оболочками», можно говорить и о других формах коллективного сознания. Во многих странах вместе с появлением крупных компаний стали практиковать разработку миссий организаций и поддержку корпоративных интересов, что усиливает преданность работников организации, сплоченность коллектива и, в конечном итоге, приводит к повышению производительности труда. Обобщенно можно утверждать о возможности появления идентичности в любой относительно автономной сфере жизни, где возникает достаточно прочная общность интересов. Разделяемая членами коллектива система представлений, ценностная интеграция коллектива для достижения общих целей и направленность на будущее обеспечивают их стабильную привязанность к такому сообществу, определяя не только трудовой процесс, но и личную жизнь. Учитывая, что человек проводит на работе большую часть времени, а нередко в свободное время занимается повышением квалификации, следует указать на значимость этих отношений для формирования и существования индивида, но, тем не менее, в целом, определяющими остаются гражданская, религиозная и этническая идентичности.

Итак, для общества ценно укрепление каждой оболочки в иерархии идентичностей, причем с доминированием в каждой из них позитивного начала. Трансформация ценностей и норм в каждой из них в ходе эволюции народа не предполагает разрушения самих «оболочек», а только внесения вариаций в сложившиеся традиции. Бесспорно, представляет опасность разрушение иерархии идентичностей. Разрыв идеологических «обручей», которые благодаря нормам и предписаниям сдерживают человеческие страсти, неизбежно ведет к нестабильности, бунту, революции, вплоть до гражданской войны.

(Продолжение следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. 420 с.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
3. Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
4. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М.: Экспресс, 1993. 576 с.
5. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечел. ценностей, 2003. 376 с.

6. Лукач Дж. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. СПб.: Наука, 2003. 256 с.
7. Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань: Казан. ун-т, 2010. 248 с.
8. Манхейм К. Избранное: социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.
9. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 480 с.
10. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
11. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс, 2002. 624 с.
12. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: «Издательство АСТ»; «Гранзиткнига», 2004. 635 с.
13. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 108 с.
14. Франкл Дж. Цивилизация: утопия и трагедия. М.: АСТ, Астрель, 2007. 254 с.
15. Фромм Э. Кризис психоанализа. М.: АСТ, 2009. 252 с.
16. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М., Владимир: ВКТ, 2010. 222 с.
17. Этническая идентичность татар в региональных контекстах. Отв. ред. Г. Габдрахманова, Г. Макарова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 256 с.
18. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
19. Юнгер Ф.Г. Язык и мышление. СПб.: Наука, 2005. 301 с.

Сведения об авторе: Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

TATAR IDENTITY: CURRENT STATE AND PERSPECTIVES

R.S. Khakimov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
history@tataroved.ru*

The article continues the author's theoretical reflections on identities – their essence, types, conditions of formation and development – which were started in the previous issue. Considering culture as a basis for ethnic, religious, territorial and civic identities, cultural characteristics of each of them are presented.

Ethnic communities are a product of historical development based on the consciousness of common origin and belonging to a group with common cultural values

and the solidarity that arises due to that. General group values and symbols allow political circles to mobilize ethnic groups for certain behavior. Therefore, the intensity of ethnic identity manifestation is largely determined by political elites, their goals and strategies. With all the stability of ethnicity in its environment, changes occur both under the pressure of external circumstances and for internal reasons. Thereby, the boundaries of ethnicity, like the degree of solidarity, can change over the course of time.

Ethnic, religious, territorial and civic identities are built into a hierarchical structure. Its destruction is dangerous. The rupture of ideological "hoops" which, through norms and regulations, restrain human passions, inevitably leads to instability, rebellion, revolution, all the way to the civil war.

Keywords: ethnic identity, civic identity, culture, nation, religious identity, regional identity, Tatars, Tatarstan, Russia

REFERENCES

1. Aberkrombi N., Khill S., Terner B.S. *Sotsiologicheskiy slovar'* [Sociological Dictionary]. Translation from English under edition of S.A. Erofeeva. Kazan, Kazan University Publ., 1997. 420 p. (In Russian)
2. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. *Etnosotsiologiya* [Ethnosociology]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1999. 271 p. (In Russian)
3. Burd'e P. *Prakticheskiy smysl* [Practical Meaning]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 562 p. (In Russian)
4. Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii* [Rhythms of Eurasia]. Moscow, Ekopros Publ., 1993. 576 p. (In Russian)
5. Drobizheva L.M. *Sotsial'nye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v postsovetskoy Rossii* [Social Problems of Interethnic Relations in Post-Soviet Russia]. Moscow, Center for Universal Human Values Publ., 2003. 376 p. (In Russian)
6. Lukach Dzh. *Konets dvadtsatogo veka i konets epokhi moderna* [The End of the Twentieth Century and the End of the Modern Era]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003. 256 p. (In Russian)
7. Makarova G.I. *Identichnosti tatar i russkikh v kontekste etnokul'turnykh politik Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tatarstan* [Identity of Tatars and Russians in the Context of Ethnocultural Policies of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan]. Kazan, Kazan University Publ., 2010. 248 p. (In Russian)
8. Mankheyim K. *Izbrannoe: sotsiologiya kul'tury* [Selected: Sociology of Culture]. Moscow; Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 501 p. (In Russian)
9. Moskovichi S. *Vek tolpy. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass* [Century of the Crowds. A historical Treatise on the Psychology of the Masses]. Moscow, Center for Psychology and Psychotherapy Publ., 1998. 480 p. (In Russian)
10. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1998. 270 p. (In Russian)
11. Riker P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow, KANON-press Publ., 2002. 624 p. (In Russian)

12. Khantington S. *Kto my?: Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* [Who are we?: Challenges of the American National Identity]. Moscow, AST Publ., Tranzitkniga Publ., 2004. 635 p. (In Russian)
13. Khobsbaum E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and Nationalism after 1780]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 1998. 108 p. (In Russian)
14. Frankl Dzh. *Tsivilizatsiya: utopiya i tragediya* [Civilization: Utopia and Tragedy]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2007. 254 p. (In Russian)
15. Fromm E. *Krizis psikhoanaliza* [The Crisis of Psychoanalysis]. Moscow, AST Publ., 2009. 252 p. (In Russian)
16. Fukuyama F. *Sil'noe gosudarstvo: upravlenie i mirovoy porjadok v XXI veke* [Powerful State: Governance and World Order in the 21st Century]. Moscow, Vladimir, VKT Publ., 2010. 222 p. (In Russian)
17. *Etnicheskaya identichnost' tatar v regional'nykh kontekstakh* [The Ethnic Identity of Tatars in Regional Contexts]. Ed. by G. Gabdrakhmanova, G. Makarova. Kazan, Sh. Marjani Institute of History Publ., 2015. 256 p. (In Russian)
18. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic Groups and Social Boundaries. The Social Organization of Cultural Differences]. Ed. by F. Bart. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 200 p. (In Russian)
19. Yunger F.G. *Yazyk i myshlenie* [Language and Thinking]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005. 301 p. (In Russian)

About the author: Rafael S. Khakimov is a Doctor of Science (History), Director of Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-President of the TAS and Academician at the TAS (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); history@tataroved.ru